

Виль ЛИПАТОВ

"ЛЮБОВЬ В СТАРО-КОРОТКИНО"

Драма в 2-х частях

Пьеса М.Волобринского и С.Ясных по повести В.Липатова

Право первой постановки
предоставлено Ленинград-
скому театру Драмы и Коме-
дии.

г. Ленинград, 1980 г.

Действующие лица:

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ НЕНАШЕВ

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА, его жена

ЛЮБА, их дочь

МУРЗИНА ПРАСКОВЬЯ ИЛЬИНИЧНА

ИВАН, ее сын

СМИРНОВ МАРАТ ГАНИЕВИЧ, учитель

НАСТАСЬЯ ГЛЕБОВНА, директор Дворца культуры

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ СПИРИДОНОВ, председатель колхоза

ВЕРЕГЕННИКОВ, колхозный механик

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В далекой сибирской деревне поют русские девушки. Эта песня о верности и любви.

На сцене в луче света все участники спектакля.

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Нетороплива красавица Обь. Плавно катит она свои воды, то зеленые, то голубые, к далекому холодному океану.

ПРАСКОВЬЯ. На берегу реки в селе Старо-Короткино стоит дом знатной телятницы Прасковьи Ильиничны Мурзиной. Ее единственный сын - Иван, Ваня, Ванюшка Мурзин.

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. А Любка - сильно любимая дочь заслуженного комбайнера Ненашева. Ей до смерти скучно было в школе учиться, и она, как ей восемнадцать стукнуло, из девятого класса мигом ушла.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Присватала она себе учителя нашей школы Марата Ганиевича, он в нее влюбился, прямо ошалел...

МАРАТ ГАНИЕВИЧ /он в черном костюме, ослепительно сверкающих ботинках, на нем ярко-красный галстук и такие же носки/. Мне оказано высокое доверие приобщать к словесности и литературе грядущее поколение человечества. Возлюбленная моя Любовь Ивановна изъявила согласие связать себя со мной узами Гименя.

/В доме Мурзиных свадьба. Молодежь танцует/.

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ /у стола/. ^{Терпеть} ~~Ужас~~ не могу этого черного жука! Никогда за такого бы не пошел! Да вот... /Показывает на жену/.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. А что? Чем тебе Марат плох? У него костюмов одних пять, все как с модного журнала, галстуков к ним,

рассказывают, тридцать, туфель и ботинок — пар десять, а носков не пересчитать! Чем не жених? Уж не за Ваньку ли Мурзина нашу доченьку отдать?

ПРАСКОВЬЯ ИЛЬНИЧНА. Да я бы в жизни Ванюшке не дала благословения! Если б такую, как Любка, он домой привел, я бы выпорола его как следует, чтобы Любку эту самую у него навсегда из памяти вышибло!

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Не понимаю, ~~жжж~~ что за радость в этих плясках — ногами дрыгают, руками хватаются! Ну что за удовольствие?

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Не скажи... Я хоть человек и не молодой, а при случае и сам не возражаю. /Танцует/.

ВЕРЕТЕННИКОВ /подходит к столу/. По-о-чему все еще трезвые? Так не положено на свадьбе! Давайте за невесту! И до дна! /Наливает/. Горько! Горько!

/МАРАТ ГАНИЕВИЧ аккуратно обтирает рот салфеткой/.

МАРАТ. Разрешите?

ЛЮБКА. Целуйте. /Подставляет щеку/.

МАРАТ /Ивану Севастьяновичу/. Разрешите, папаша, с вами чокнуться за счастье вашей единственной дочери.

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. Если ты мою дочку обидишь, я тебя бить не буду, просто чучело из тебя сделаю — ворон пугать!

МАРАТ. Не беспокойтесь, папаша, я вашу дочь люблю и уважаю. /Любе/. Можно ручку поцеловать? /Люба важно протягивает ему руку, которую Марат громко целует/.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Не угодно ли огурчик?

ПРАСКОВЬЯ ИЛЬНИЧНА. Пожалуй. /Откусывает/. Хорошо хрустят. Собственного засола?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА /обиженно/. Неужели купленным угощать будем?

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ /пытаясь обнять Прасковью Ильиничну/.
Ох, и грудастая ты, Пашка!

ПРАСКОВЬЯ ИЛЬИНИЧНА. Ты руки-то не распускай!

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Некультурно это, Иван.

ПРАСКОВЬЯ ИЛЬИНИЧНА /с иронией/. Мария Васильевна всю жизнь во сне и наяву видела выйти замуж за культурного.

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. Культурного ей надо? А я вот некультурный, но не менее трехсот рублей на комбайнишке выколачиваю. А твои культурные - сто двадцать. Чекушку не укупишь после бани!

/К Марату Ганиевичу подходит ВЕРЕТЕННИКОВ, в руках у него две стопки водки/.

ВЕРЕТЕННИКОВ. Позвольте вас, уважаемый Марат Ганиевич, поздравить с радостным днем и пожелать счастья вам и , так сказать, вашей супруге.

МАРАТ. С удовольствием. Мерси. /Выпивает/.

ВЕРЕТЕННИКОВ. Сила бы нам, Любовь Ивановна!

ЛЮБКА. Неохота. Я охрипла.

ВЕРЕТЕННИКОВ. Перепилась, что ли?

ЛЮБКА. Невежа!

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. А все-таки спой! Велю! Пою, Любка!

ЛЮБКА. Ну, разве что... /Запевает/. "Стану, стану генералом, если капрала переживу..."

/Все аплодируют/.

ВЕРЕГЕННИКОВ./подходит к Марату Ганиевичу/. Счастья вам и Любке... так сказать, Любовь Ивановне, на многие годы. ~~И~~ /Протягивает Марату большой фужер/.

МАРАТ /хмелея/. Мерси за внимание. /Прасковье Ильиничне/. Не откажите мне в большой любезности – передайте, пожалуйста, сэндвич.

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ /тихо/. Это что ж он такое просит?

ВЕРЕГЕННИКОВ. Это по культурному булка с колбасой.

МАРАТ. Позвольте вам, друзья мои, почитать стихи моего собственного сочинения.

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. Валяй, валяй! Читай! Чего еще выдумал?

МАРАТ. Изумрудное небо печально сейчас,
В этот сладостный миг, в этот сладостный час.
От любви бы я мог умереть, ты скажи,
Над могилой моей будут реять стрижи...

/Кланяется/.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА /утирает слезы/. Стрижи летать будут...

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. Надумал тоже! Жених, а о смерти шебаршит!

ПРАСКОВЬЯ ИЛЬИНИЧНА. От любви чего умирать? Целоваться надо, а он помирать!

ВЕРЕГЕННИКОВ /обнимает Марата/. Молодец!

ПРАСКОВЬЯ ИЛЬИНИЧНА. Надо же такое придумать?

МАРАТ. Так что же стихи! Полагается, чтобы красиво звучало, и, главное, чтобы рифма была. Я решил всю свою жизнь поэзии посвятить.

ВЕРЕГЕННИКОВ. А ну, давайте споем. /Запевает. Все подтягивают/.

ЛЮБКА /подходит к Ивану, стоящему в стороне/. Ты чего?.. Мы же друзья... Вот так-то, Ванюша... Марат Ганиевич вежливый, как в кино. Войдет в учительскую, всем женщинам ручки перечешет, пальто с них снимет, в шкаф повесит, а когда уходить - подержит, пока одевают. И каждой скажет: "Выглядите чудесно, прекрасно!" Он даже знает говорить по-английски... /Пауза. Вздох/. А вот у тебя слова английские не получаются. Губа у тебя нижняя такая, что не получаются...

ВЕРЕТЕННИКОВ Э /Марату/. Хорошую бабу ты отхватил! Давай за нее и выпьем! Вот - медовухи. Слово даю - ни с кем не делился, а тебе не жалко! Целую бутылку на свадьбу приволок! Поцелуемся!

МАРАТ /уже пьяный/. Я, конечно, с удовольствием! Только, миль пардон, я просил бы вас не называть мою уважаемую супругу грубым и непозитивным словом "баба". /Выпивает/. Мерси... Я вам сейчас еще одно стихотворение прочту...

Твоих плечей мелованная бель,
Твоих колен округлое сиянье,
Ты мой покой, ты колыбель,
Ты жизнь, ты центр мирозданья.

/Поклон/.

ВЕРЕТЕННИКОВ. Ишь ты! И про плечи, и про коленки!

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. По-моему, некультурные стихи!

ВЕРЕТЕННИКОВ. Так это ж про жену. А про нее все можно.

Его баба.

ЛЮБКА /Ивану, тихо/. Ты не сердись... Мы с тобой, Ванюшка, в соседних дворах выросли, учились вместе и на колхозных работах тоже всегда вместе. Я ворошу стог, а ты навильники наверх подаешь... всегда рядом... В шестом классе я тебе даже прямо

сказала, что выйду за тебя замуж, как только нам в сельсовете расписаться дадут... По возрасту, значит... Помнишь, я к тебе на сеновал бегала... Разговоры мы там вели разные. А все больше вдвоем сидели и молчали... /Смущенно умолкает/.

ИВАН. Забыла, что нынче весной мы с тобой... Мы теперь навеки связаны...

ЛЮБКА. Ну, Ванюшка, ты чокнутый! Какой из тебя муж, если мы в детсад ходили вместе и вместе огурцы воровали с чужих огородов! Муж — это совсем другое. У нас все понарушку, Иван. Поукукольному, вроде как игра в жениха и невесту.

ИВАН. А-а-а...

ЛЮБКА. Ты для меня всегда Ванюшка Мурзин. Ну, засмейся, а то мне муторно, что ты невеселый!

ИВАН. Улыбаться, что ли, когда думаю, что буду в школе сидеть, а Марат будет приходить в класс прямо из твоей кровати?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА /Прасковье/. Ты, Прасковья, почто около меня не села? Тебе было около хозяйки место оставлено, а ты — хвост трубой.

ПРАСКОВЬЯ ИЛЬНИЧНА. Куда хотела, туда и села.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Рассчитывала своего Ванюшку на Любке женить? А вышло не по-твоему. Так-то, подружка моя старая! /Деланно пытается обнять Прасковью Ильичну/.

ПРАСКОВЬЯ ИЛЬНИЧНА /освобождаясь от ее объятий/. Я к тебе в подружки не просилась.

ИВАН СЕВАСЬЯНОВИЧ /ударяя кулаком по столу/. Молчать! Это, во-первых, я тебе говорю, а во-вторых, кто тебе в прениях слово давал? Сиди себе и не поноси Прасковью!

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. А ты что на меня орешь? На людях ведь...

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. Молчать! Я, может быть, еще два слова сказать хочу. Я кто есть? Отец! Вот... Любка!

ЛЮБКА. Слушаю, папочка!

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. Дура набитая!

МАРАТ. Позвольте, папаша! Я не могу позволить...

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. А я плевал на твое позволение! И потом — какой я тебе папаша? Кобель твой папаша!

МАРАТ. Успокойтесь, па... Успокойтесь... Иван Севастьянович. Зачем так грубо? Друзья мои, я тоже хочу пару слов сказать. Дорогие гости! Мои дорогие, вновь обретенные друзья из совсем ~~им~~ мне до сих пор непонятной и чуждой деревни, ставшей отныне родной и беспредельно близкой! Поясной вам поклон за любовь и ласку, за чуткость человеческую...

ЛЮБКА /снова подходит к Ивану/. Иван, а, Иван! А трудно мне будет с Маратом Ганиевичем. Шибко он культурный. Говорит, что любит на обед люля-кебаб. А я его и в глаза не видела. Да что говорить — городское дитя.

ИВАН. Какое же он городское дитя, если родился и до восьмого класса учился в деревне Сугота, до которой от нас километров двадцать, не больше!

ЛЮБКА. Сильно я удивляюсь на свою память. Все слова его и стихи помню. Мне, может, надо идти в эти... Ну, которые записываются прямо с голоса.

ИВАН. В стенографистки?

ЛЮБКА. Во-во! Только я этому, верно, не научусь. Я, Вань, одним делом более пятнадцати минут интересоваться не могу.

Вот и Марат Ганиевич говорит: "У вас, обожаемая, отсутствует в крупномасштабных размерах способность фиксироваться на предмете мышления". Скажи, Вань, может, он этим самым меня душой назвал?

ИВАН. Не знаю и знать не хочу! Что ты привязалась ко мне со своим Маратом?

ЛЮБКА. Он, Ванюшк, говорит, ему без меня нет жизни... Я как муза...

ИВАН. Что, что?

ЛЮБКА /важно/. Муза от него улетает, когда меня нет...

ИВАН. Помолчи лучше.

ЛЮБКА. Молчу...

З а т е м н е н и е.

ПРАСКОВЬЯ ИЛЬНИЧНА /в луче света/. После Любкиной свадьбы Иван, на ней крест поставил. ~~З~~/Пауза/. В вечернюю школу пошел, там все легче: днем работал, вечером - учился... И времени нет думать, да вспоминать...

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. В трактористы он подался...

Т е м н о т а.

Угол гаража. Входит ИВАН, вытирая руки. За ним ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ.

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Не понимаешь, что ли? /Вынимает газету и читает/. "Простой тракторных сенокосилок ставит под серьезный удар зимовку общественного скота".

ИВАН. /взрываясь/. А вы-то, Яков Михайлович, сами знаете, сколько сегодня тракторов в гаражах стоит на простое, а сколько у домов простаивают? Потому что старый хлам ремонтировать заставляете. А его бы надо под пресс! Дешевле, чем латать да простаивать!

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Товарищ Мурзин!

ИВАН. А что?

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Может, не будем кричать? Решение ваше сочетать работу в колхозе с вечерней школой считаю правильным. Но почему вы отказались сесть на старый трактор и вдохнуть жизнь в дряхлый, но с честью отслуживший свой век механизм? Почему? /Иван молчит./ Зазнались! Разве мы так приходили на колхозные нивы? Мы добровольцы и с радостью старались молодостью с комсомольским задором вдохнуть жизнь... Почему молчите, товарищ Мурзин?

ИВАН. А что говорить-то?

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Когда я вас на работу определял, я два часа беседовал с директором вашей школы. Он утверждает, что вы обладаете выдающимся математическим талантом и, что у вас, как он выразился, прирожденная математическая шишка. А тут три дня вдвоем с Веретенниковым — с трактором возитесь! А я дал вам машину почти новенькую!

ИВАН? Ха! Новенькую! Ею пока Веретенников к нам перегонял, половину смазки стерли, левую фару разбили, а вторая скорость и вообще выскакивает!

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Трактор Минского тракторного завода. Завод хороший.

ИВАН. Хороший Минский завод резиновые прокладки наперекосья поставил, на клапанах — зазубрины, а болты и гайки — все надо подкручивать. и укреплять...

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Ну, великое дело! И подкрутишь... На заводе тоже по-своему рассуждают: "Мы тысячи тракторов выпускаем, **нам** каждую гайку подкручивать — значит, переходящего Красного знамени лишиться. А вот какой-нибудь Иван Мурзин эти гайки и

болты запросто закрепить может, у него трактор один". /Уходит./

/В дверь осторожно заглядывает ЛЮБКА. Она на босу ногу, в рубашке и накинутом на нее пальтишке/.

ЛЮБКА. Вань, ты здесь? /Иван молчит/. Вань! Чего помалкиваешь? /Направляется к Ивану/.

ИВАН. Уходи, не маячь у меня перед глазами!

ЛЮБКА. Вань, я...

ИВАН. Чего тебя в такую рань принесло? Еще шести нету. И вообще, иди домой.

ЛЮБКА. Я пришла, пока Марат Ганиевич спят. Мне с тобой сильно крепко поговорить надо. /Обнимает Ивана/. Ой, Ванюшк, что это ты бензином пахнешь?

ИВАН. Дура! Пускач на чем заводится? /Любка снова обнимает Ивана/. Последний раз говорю — отодвинься и вали домой! Ну что тебе надо? Говори и мотай отсюда!

ЛЮБКА. А ничего мне не надо, Вань. Сама не пойму, не то скучно, не то страшно.

ИВАН. Отчего ж?

ЛЮБКА. Я, Вань, в спальне посижу, пойду за журнальный столик, в кресле посижу, иду на кухню, где польский гарнитур. Сяду на табуретку... Ох, Вань, какие в польском гарнитуре табуретки! По краям железячками обиты. /Пауза/. Потом обратно в спальню иду.

ИВАН. Ты не в спальню иди, а работать.

ЛЮБКА. Хотела, да Марат Ганиевич не позволяет. Говорит: "Вы должны жизнь посвятить мне".

ИВАН. Вот чего не терплю, так это что он тебя на "вы" зовет.

ЛЮБКА. Я каждый день прошу меня Любкой называть и на "ты", а он так серьезно отвечает: "Пушкин обращался к Натали на "вы". Это возвышает!"

ИВАН /помолчав/. Вот что. Мотай-ка ты быстрой ногой к дому, а то твой Марат пробудится и начнет жену с милицией искать. Так что беги, пока я добрый. Сама знаешь, какой я в сердцах. /Любка снова обнимает Ивана/. Ты чего ко мне ползешь? Кому говорят? /Любка уткнув голову в грудь Ивана, начинает плакать. Ее плач переходит в громкие рыдания/. Смотри, майка моя совсем мокрая от твоих слез... Что ж дальше-то будет? Узнает Марат Ганиевич - вся деревня узнает о нашем позоре. Хоть убегай. /Пауза/. Слушай, Любка, может, пацаненка родишь, а? Вот и не будешь по комнатам маяться. А, Любка? Может, родишь ребеночка от Марата Ганиевича?

ЛЮБКА /со счастливой улыбкой/. Ребеночек-то от тебя будет.

ИВАН /вскакивая/. Ты чего врешь?! Замолчи!

ЛЮБКА. А чего мне молчать, если Марат Ганиевич до трех утра стихи пишут, потом еще целый час "Вокруг света" читают, а после спят, как убитые. Всегда на спине, а руки на груди сложены, ровно у покойника. /Пауза/. Так что же будем делать, Вань? Рожать будем пацаненка?

ИВАН. Я такого позволить не могу. Если ребеночек мой, то и проживать он должен при мне. Поняла?

ЛЮБКА. Значит, придется мне... /Говорит что-то на ухо/.

ИВАН /прерывая/. Я тебе изведу! /Показывает кулак/. Я тебя, знаешь... /Долгое молчание/.

ЛЮБКА. Ванюшенька! Молчишь, а мне страшно, когда ты молчишь... Так на меня смотришь...

ИВАН. Уходи от Марата Ганиевича!.. Рожай и иди ко мне.

ЛЮБКА. Как же я тебя за мужа держать буду? Был ты Ванюшкой - Ванюшкой и остался.

ИВАН /кричит/. А так ко мне приходить больше не будешь! На порог не пущу!

ЛЮБКА. Ой, ты уж не бить меня собрался? Так бей! Я, я кругом одна виноватая!

ИВАН. Трактор стоит, человек еще не умылся, не поел, а тебе в майку режут, что она вся мокрая! Я думал, что после свадьбы поставлю на тебе точку, а вышла запятая...

ЛЮБКА. Все равно, опять приду. /Убегает./

З а т е м н е н и е.

ПРАСКОВЬЯ ИЛЪНИЧНА /в луче света/. Познакомился Иван во Дворце культуры с его директоршей Настей Поспеловой. Она жила неподалеку от нашего дома. И получалось, что они часто вместе с Настей берегом возвращались домой. Однажды в осенний вечер дождь, слякоть, ветер наш сибирский... Предложил ей Иван по дороге зайти в чайную погреться.

/Угол комнаты Насти. Входит НАСТЯ, отряхнув мокрый плащ, вешает его/.

НАСТЯ. Зачем нам чайная?.. Входите, входите, Иван.

ИВАН./входя/. Ой, как у вас чисто.

НАСТЯ. Садитесь, Иван, я сейчас. /Накрывает на стол, ставит еду, вино/.

ИВАН. Хорошо у вас.

НАСТЯ /помолчав/. Вы первый, кто мой дом видит.

ИВАН. Что так?

НАСТЯ. Так... Пить будем?

ИВАН. А вы?

НАСТЯ. Вина.

ИВАН. А я, если можно, водки. /Наливает, оба чокаются/.

/Пауза. Разговор не клеится/.

НАСТЯ. За что выпьем?

ИВАН. Давай выпьем с тобой за хорошее. С плохим сами справимся.

НАСТЯ /с улыбкой/. Как вы... как ты легко перешел на "ты". /Пауза/. Ты ее любишь? /Точно спохватившись, быстро/. Ну, не говори, не надо! Прости, пожалуйста, как-то вырвалось...

ИВАН. Ну, что ты Настя... Я просто думаю, как ответить... Я за Любку всю жизнь переживаю. Со школьных лет... Дурная она какая-то, честное слово! Мне мать говорит, что я к Любке присох, в деревне говорят: "Чокнулся на этой дурехе".

/П а у з а/.

НАСТЯ. А у меня полярник был... Даже не знаю, была ли любовь... Познакомилась на выпускном вечере в институте культуры, влюбилась, вышла замуж... А через месяц ушла от него.

ИВАН. Что ж так?

НАСТЯ. Так получилось... Оказался обыкновенный пошляк. Взяла и ушла. Вот и здесь...

ИВАН. Да, у тебя тоже жизнь не такая какая-то получилась. Вот ты, Настя, из Ленинграда, отец, говорят, генерал, высшее

образование получила, сколько книг, наверное, прочла, а знаешь ты, что нам с тобой делать?..

/Сильный раскат грома. Молния/.

Вот бабахнуло, так бабахнуло!.. Ну, да ничего, нам еще погрет солнышко... Что ж, пойду я, пожалуй, пора... Сказал матери, что буду дома в одиннадцать.

НАСТЯ. Конечно, иди, иди...

/ИВАН уходит. Комната затемняется.

На авансцене Любка. Она в цигейковой шубке, на голове большая рыжая шапка, руки в красных варежках. Притоптывая, согревает руки дыханием. Входит ИВАН/.

ЛЮБКА. Ну и холодина! Это надо - двадцать восемь! А я здесь тебя поджидаю. Замерзла, как собака. Зуб на зуб не попадает!

ИВАН. Чего тебе?

ЛЮБКА. Не могу я с ним жить, Вань... Понимаешь, напишет - прочтает. Потом порвет - и все сначала. Мне обратно спать охота, он обижается... Ну скажи, разве можно так жить?

ИВАН. Не можешь жить - кто ж тебя неволит?

ЛЮБКА. Стесняюсь я, Ванюшк, извожусь от стыда.

ИВАН. А чего стесняться, когда вся деревня знает!

ЛЮБКА. Я тебя, Ванька, стесняюсь.

ИВАН. Че-е-го?!

ЛЮБКА. Стыдно мне, что я за Марата Ганиевича вышла, а ж жизнь у нас не получается. Скажешь мне: "Уходи от Марата Ганиевича" - уйду.

ИВАН. А что делать будешь? За меня пойдешь? /Любка молчит. Иван хватает ее за руку/. Еще раз спрашиваю — за меня пойдешь?

ЛЮБКА /вырывает руку/. Я не знаю, Вань... Вот честное слово!.. Я, может, сама не знаю, чего хочу. /Иван резко повернувшись вращивается/. Ой, не уходи, Ванюш! Я же тебе еще не все сказала... /Иван, не глядя на Любку, уходит/.

/Освещается комната Мурзиных. ПРАСКОВЬЯ ИЛЬИНИЧНА что-то шьет, изредка заглядывая в окно/.

ПРАСКОВЬЯ. Опять эта Любка приваладалась! Господи, что за наваждение!

/Входит растерянный ИВАН. Снимает шубу, кидает на стол. Мать пристально смотрит на него. Молчание/.

ПРАСКОВЬЯ. Что опять с Любкой содеялось? Я из окна видела, как она в тебя вцепилась. Не окончились сеновалы? Не перестал родную мать на всю деревню позорить?!

/ИВАН от неожиданности тяжело опускается в кресло/.

ИВАН. Мама... И ты... может, и другие знают?

ПРАСКОВЬЯ. Всей деревне известно. /Пауза/.

ИВАН. Мам... Да я ведь... Я стараюсь от Любки подальше держаться. У меня от нее все в голове путается... А она приходит... Вот... Не в силах оттолкнуть ее... Она...

/Стук в дверь/.

ПРАСКОВЬЯ. Кто это на ночь глядя пожаловал? Ну, входите.

/Робко входит и останавливается в дверях
МАРАТ ГАНИЕВИЧ. Он в настежь распахну-
том пальто, без шапки/.

МАРАТ. Здравствуйте, Прасковья Ильинична... Иван, я к
вам...

ИВАН. Что вы в таком пальтишке, Марат Ганиевич? На ули-
це тридцать.

МАРАТ /безнадежно махнув рукой/. Не все ли равно...
Прасковья Ильинична, простите за несвоевременное вторжение,
мне с Иваном... с Иваном Васильевичем срочно поговорить нуж-
но...

ПРАСКОВЬЯ. Ну и говорите.

МАРАТ. Видите ли, у меня разговор, сугубо интимного
свойства.

ИВАН. Мам, ты бы...

ПРАСКОВЬЯ. Хорошо, хорошо. /Уходит/.

МАРАТ./волнуясь/. Тема нашего предстоящего разговора —
моя супруга. Понимаете, у меня есть все основания предпола-
гать, что Люба каким-то образом... Понимаете, она к вам от-
носится не так, как к другим мужчинам... /Иван недоуменно
разводит руками/. Нет, нет, ни в чем предосудительном я вас
не подозреваю... /Пауза/. Мне давно известно о вашей школь-
ной дружбе с моей женой. Совершенно естественно и понятно,
что школьная дружба не может пройти бесследно. Этот фактор
мною учитывается. Но... вы знаете, что говорит моя супруга?

ИВАН /с усмешкой/. Она мало говорит. Вот молчать она
умеет...

МАРАТ. Вы совершенно правы, Иван... Иван Васильевич... Моя супруга умеет разнообразно молчать, говорит мало, но я часто от нее слышу... Знаете, что слышу? Она часто говорит: "А вот Ванюшка..."

ИВАН. Марат Ганиевич, но стоит ли... /Марат останавливает его жестом руки/.

МАРАТ. Не перебивайте меня. Вчера моя супруга попросила меня передвинуть большой, очень тяжелый шкаф, что одному человеку сделать невозможно. Я так Любочке и сказал, а она ответила: "А вот Ванюшка передвинул бы". А вот недавно, когда я болел катаром верхних дыхательных путей, она сказала: "А вот Ванюшка никогда не болеет"... /Иван сидит, низко опустив голову. Пауза/. Иван Васильевич, уезжайте, пожалуйста, как можно скорее. Мне ведь известно, что вы тоже любите мою супругу... Уезжайте! **И** вам будет легко, и моя семейная жизнь наладится... У вас математические способности - и вы скоро найдете себя. Уезжайте, пожалуйста.

ИВАН /помолчав/. А куда мне ехать, Марат Ганиевич? Я скоро в армию ухожу.

МАРАТ. Так это ж только через несколько месяцев!! Уезжайте скорее! В областном городе работает мой сокурсник, он там председателем райисполкома, поможет вам с работой и квартирой. Что же вы молчите, Иван Васильевич?

ИВАН. Я, Марат Ганиевич, кроме армии, никуда деваться не могу. Вот придет весна - и я уйду.

МАРАТ /помолчав/. А впрочем, моя супруга сказала, что все равно от меня уйдет... Я это не вынесу. Я ведь надеялся, что

у меня ребенок будет. Сын... Я уже и имя придумал. Иван Васильевич, уезжайте, я вас очень прошу. Уезжайте... /Пауза/.

/МАРАТ ГАНИЕВИЧ уходит. Темно./

ПРАСКОВЬЯ /в луче света/. Не уезжать, а бежать, бежать из деревни темной ночью надо было Ивану, чтоб не ждать каждую минуту появления этой проклятой Любки, чтоб не ходить, как бы случайно, под окнами дома Марата Ганиевича, да чтоб в кино на экран смотреть, а не туда, где он с женой сидит...

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Но куда бежать? Эх, хоть бы ему на время, на день, на вечер забыть свои горькие думы!

/В полутьме на заднем плане постепенно возникают мерцающие огоньки деревенских домов. Спinoй к зрителям стоит НАСТЯ и всматривается вдаль. На ней куртка, брюки, высокие сапоги, шапочка с помпоном. Входит Иван/.

ИВАН. А-а, и Настя тут. Тоже, небось, от одиночества сюда потянуло... Здорово, Настя.

НАСТЯ. Здравствуй, Иван.

ИВАН. Замерзла?

НАСТЯ. Как не замерзнуть...

ИВАН. Подышать свежим воздухом решила?

НАСТЯ. Да... Иван, Марат Ганиевич тебя не встретил, когда ты сюда шел?

ИВАН. Нет.

НАСТЯ. Он тебя по всей деревне ищет. Ко мне приходил, потом помчался к тебе домой. Хочет, чтобы ты с Ненашевой поговорил. /С неловкой улыбкой/. Чтобы ты ее помог уговорить остаться с ним.

ИВАН. Я?!

НАСТЯ. Марат Ганиевич, вероятно, думает, что мы с тобой любовники.

ИВАН /мрачно/. Он в своем уме, дурак этот?

НАСТЯ. Он хороший и добрый человек. Не вина его, а беда, что не умен и пишет плохие стихи...

ИВАН /внезапно/. Послушай, Настя, я тебе вот что сказать хочу. Давай с тобой поженемся. Захочешь - ребеночка заимеем. Знаешь, какой будет ладный! Если мальчишечка - весь в тебя: мальчики всегда на матерей похожи! /Настя улыбается/. Я это тебе серьезно говорю.

НАСТЯ /ласково взяла Ивана за руку/. Спасибо тебе, Иван!..

ИВАН. Я почему так думаю, что мы с тобой должны пожениться? Похожие мы... Ты мне поверь, я сердцем знаю, что должны с тобой расписаться... Это ~~не~~ ничего, что я весной в армию уйду. Буду тебе каждый день письма писать. Как служу, какие у меня командиры, как осваиваю военную науку. А ты мне про себя писать будешь - все про деревню, про маму, про клуб свой. /Пауза/. И застегнись... /Бережно застегивает на Насте "молнию" куртки/.

НАСТЯ /заплакав/. Не говори больше..ш.

ИВАН. Обидел, я тебя, что ли?.. Поверь, Настя, я очень жалею... жалею, что не тебя первой встретил в этой жизненной путанице... /С горечью/. Ну, есть же люди, у которых жизнь так складывается, что концы с концами сходятся. Есть же среди четырех миллиардов людей на свете такие счастливицы, у которых в жизни все ладно и прочно!.. /Помолчав./ Ты мне сразу не отвечай, Настя, подумай!

НАСТЯ. Думать не буду. Я согласна, Иван. Только сделай так, чтобы нас зарегистрировали завтра, послезавтра, как можно скорее.

З а т е м н е н и е.

/В доме Прасковьи Ильиничны. Она прибирает комнату.

Входит ИВАН./

ПРАСКОВЬЯ. Ох, до чего же я рада и счастлива, что Настенька в законные жены к тебе идет! Как у меня сердце изболелось, что ты обратно свяжешься с этой холерой Любкой, которая хоть кого в гроб сведет!

ИВАН. Всю ночь не спал. Пить хочется прямо невтерпеж.

ПРАСКОВЬЯ. Не спишь? И все из-за этой заразы? /Иван залпом выпив стакан воды, молчит./ Измаялась я с тобой! Ванюша! Неужели так и не будет мне и покоя? Ты меня допрежь сроку в могилу гонишь.

ИВАН. А может - не надо, мама?

ПРАСКОВЬЯ /встревоженно/. Что "не надо"?

ИВАН. Все думаю - ну хорошо, запишемся мы с Настей, будем называться законными мужем и женой. А дальше?.. Придем домой, будем есть, пить, с пятого на десятое разговаривать... И оба будем бояться посмотреть друг другу прямо в глаза./Пауза./ Ну скажи, мама, знаешь ли ты на деревне молодуху лучше Насти Поспеловой?

ПРАСКОВЬЯ. Нет, Вань, не знаю...

ИВАН. И я не знаю... Вот я и спрашиваю - почему все так в моей жизни складывается? Почему, мам? Скажи. Ну, скажи чего?

ПРАСКОВЬЯ. Одно тебе скажу — из дома выгоню, со света сживу, если Настеньку обидешь!

З а т е м н е н и е

/Комната Насти. Она сидит на диване в светлом платье с алой розой на груди. Она читает. Осторожный стук в дверь/.

НАСТЯ. Да?

/Входит ИВАН с букетом и смущенно останавливается у порога. НАСТЯ жестом указывает ему место около себя. ИВАН послушно садится/.

НАСТЯ. Ты что сегодня какой-то сам не свой?

ИВАН. Со вчерашнего дня не сомкнул глаз... Лежал и все думал. /Настя вопросительно смотрит на него./ О разном... О жизни... /Пауза./ А в армию, военком говорил, повезут первым пароходом, как только лед сойдет.

/Улыбнувшись, НАСТЯ кладет руку на голову Ивана и медленно перебирает его волосы./

ИВАН. Вот чудное дело! Реку Обь туда-сюда без передышки переплываешь, а руки у тебя тонкие, весу в них никакого нету.. Хочешь, Настя, я с тобой буду говорить культурно, как например, Марат Ганиевич?

НАСТЯ. Говори.

/ИВАН одернув пиджак, галантно склоняет голову./

ИВАН. Дорогая Настяся Глебовна! Окажите честь стать спутницей моей жизни на радостном пути к узам Гименея. Счастье мое будет так велико, что только язык божественной

поэзии сможет выразить одну миллиардную часть того, чем переполнена моя окрыленная душа...

НАСТЯ /улыбнувшись/. А ты и верно настоящий жених.

ИВАН. Почему "почти"?

НАСТЯ. А галстук надо перевязать! Нагни голову и не шевелись... Боже, чем это от тебя пахнет?

ИВАН. Маминными духами!

НАСТЯ. С ума сойти!

ИВАН. Премия.

НАСТЯ. Как это - премия?

ИВАН. Обыкновенная премия! Область дала матери за телят...

/НАСТЯ неудержимо хохочет/.

НАСТЯ. Ну, Иван, давно я так не смеялась!

ИВАН /посмотрев на часы/. Пора идти, Настя. /Меняя тон/. Разрешите мне, несравненная Настасья Глебовна; предложить вам руку, чтобы вместе проследовать, к месту счастливого бракосочетания... /Настя встает, Иван помогает ей надеть шубку./

/Раздается резкий стук в дверь/.

НАСТЯ. Входите, пожалуйста!

/Широко распахнув дверь, входит ВЕРЕТЕННИКОВ. Он уже навеселе, на нем поддевка, перепоясанная широким алым кушаком, сапоги гармошкой, над ними свешиваются широкие запорожские штаны. За окном слышен шум, топот копыт, бубенцы/.

ВЕРЕТЕННИКОВ /широко улыбаясь/. Желаю здравствовать, товарищи жених и невеста! Дозвольте досрочно поздравить с законным браком и проводить до транспорта.

НАСТЯ. Какого транспорта, когда сельсовет наискосок?

ВЕРЕТЕННИКОВ. Я буду дружкой жениха и невесты и тамадой, а два свидетеля и весь народ вас на морозе дожидаются. И тройки, с бубенцами!

ИВАН /со злостью, Веретенникову/. Кто просил устраивать торжество? Праздников давно не было, что/ли? Коллективную пьянку хочется устроить? Обрадовались! Кто вас просил? /Наступает на Веретенникова/.

ВЕРЕТЕННИКОВ./уже припертый Иваном к стене/. Я-то ведь причем, Иван, что правление решило? И комсомол решил... Весь народ решил ~~к~~ тебе свадьбу устроить, а ты меня к стене ставишь. За что, а?

ИВАН. Одного понять не могу, когда ж это выж успели, если только чуть больше суток прошло, как мы решили расписаться? А тут уже готовое всенародное торжество? Ох, и насобачились же устраивать праздники!

ВЕРЕТЕННИКОВ /с нарочитой надменностью/. Оперативность. Передовой колхоз. Первый в районе...

ИВАН. А я вот не желаю. Кому все это надо? А, Настя?

НАСТЯ /с испугом следившая за разговором Ивана с Веретенниковым, тихо/. Я еще ни разу в жизни не каталась на тройке с бубенцами...

З а т е м н е н и е.

ВЕРЕТЕННИКОВ /в луче света/. И помчались молодые, свидетели, гости и колхозное руководство через всю деревню и кругом обратно до сельсовета.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Дружки и свидетели осыпали их не то овсом, не то ячменем.

ПРАСКОВЬЯ. Тройки помчали всех ко Дворцу культуры и началась комсомольская свадьба. Председатель торжественно разрешил законный отгул на целых три дня. И покати́лась с того дня жизнь Ванюшки, как паровоз на прочных рельсах, стала ровной и строгой. В седьмом часу утра он уходил в колхозный гараж, оттуда — если надо — по разным делам, и только в девятом часу приходил домой, до ночи был один, потому что Настя возвращалась из клуба поздно...

/Входит НАСТЯ, подходит к Ивану, вглядывающемуся в ночную мглу, и кладет ему руку на плечо. ИВАН вздрагивает/.

НАСТЯ. Знаю, о чем думаешь... Не горюй, Иван... Ты сам говорил: перемелется — мука будет... Надеялись мы с тобой, что поженимся — легче станет, но ошиблись... Тяжелее... Ты меня жалеешь, я — тебя...

ИВАН /резко повернувшись/. Не понимаешь ты... /Умолкает/.

НАСТЯ. Ну, говори, говори. Выговоришься — легче станет.

ИВАН. А я так не умею: чем больше сам с собой разговариваешь, тем на душе становится хуже. /Молчание/.

НАСТЯ. Хочешь кофе?

ИВАН. Хочу.

НАСТЯ. А ты пока пижаму надень, я тебе вчера купила.

ИВАН. Спасибо, Настя... /Тихо/. Спасибо.

З а т е м н е н и е.

ПРАСКОВЬЯ /в луче света/. И продолжали они с Настей так жить без слов о любви, без ночей, когда ни на минуту не смыкаешь глаз...

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. И так бы, вероятно, и дальше протекала их жизнь, если бы не одно чрезвычайное происшествие, взбудоражившее все Старо-Короткино...

/Быстро идет ЛЮБКА в широко распахнутом пальто, неся в руках два больших чемодана. За ней ~~хурлит~~^{трусит} МАРАТ ГАНИЕВИЧ, на ходу надевая плащ и поправляя сползающую на лоб шапку/.

МАРАТ. Люба, ~~любовь~~ моя единственная! Остановись, Люба! Ну чего ты еще хочешь? Ведь я создал тебе все, что мог... Я ведь люблю вас. Для меня это на всю жизнь... Разве можно уходить от человека только потому, что он, допустим, не умеет месить тесто или еще что-нибудь? Любушка, разве я вам плохие завтраки готовил, когда вы еще в постели лежали? Что вам еще нужно?

ЛЮБКА. Скучно мне, Марат Ганиевич, скучно! Понимаете скучно!

МАРАТ. Ну пожалуйста, останьтесь, ~~любовь~~ моя единственная!

/Проходят. И снова комната Ивана и Насти. ИВАН продолжает сидеть, понутив голову. Раздается голос Любки./

ГОЛОС ЛЮБКИ. Есть кто дома?

/ИВАН вскакивает. Входит ЛЮБКА/.

ЛЮБКА. Это я. /Иван от волнения не в состоянии говорить/. Ну, ~~здрав~~ здравствуй. /Останавливается у порога/.

ИВАН /хмуро/. Если без спроса в комнату влезла, садись. Похудела ты, смотрю, Любка... Как будто сама не своя, губы злые, в глаза смотреть страшно. Не больна ли?

ЛЮБКА. Я от Марата Ганиевича ушла.

ИВАН. Как это ушла?

ЛЮБКА. Проще простого - взяла и ушла. Насовсем...

ИВАН /все еще не понимая/. Как это "насовсем"?

ЛЮБКА. А так... Взяла и ушла. Вчера утром грузовичок к дому пригнала и сама все вещи покидала в кузов... Да нет, Вань, ты не думай - все его подарки ему вернула, и цигейковую шубку тоже: "не нуждаюсь в ней" - сказала Марату.

ИВАН. Ничего не пойму, что говоришь... Или я ~~ум~~ умом тронулся, или ты. Говори толком.

ЛЮБКА. А что понимать-то? Вся деревня уже знает. Бабы все простоволосые друг к другу забежали, в сельповском магазине даже позабыли, кто за кем в очереди стоит - так сильно интересна новость, что Любка Ненашева от мужа ушла! Понял теперь? /Иван недоумевающе смотрит на Любку/. Ну так вот... Я в артистки ухожу. Буду сниматься в кино, по заграницам ездить... Красавиц буду играть, которые, может, и деревенские, но стройные да интеллигентные... Ну вот, например, зоотехник и или агроном приехала из города, освоила на селе производство, а потом в нее влюбился председатель колхоза, а еще лучше - секретарь райкома... Видал в кино такие картины? Словом, уезжаю в Москву учиться на киноартистку.

ИВАН. Да ты же девяти классов средней школы не одолела! Тебе еще до аттестата зрелости учиться да учиться! Кто ж тебя в институт примет?

ЛЮБКА /с вызовом/. Примут! Марат Ганиевич твердо сказал: "себе жизнь испорчу, а аттестат достану!" Вот какой человек Марат Ганиевич!

ИВАН. Так ты ж от него ушла?

ЛЮБКА /насмешливо/. А как ушла, так и приду.

ИВАН. Ты что говоришь, Любка? Липовый аттестат зрелости — да это ж преступление! Твой Марат Ганиевич, он что сумасшедший?

ЛЮБКА /торжествующе/. А как же! Все поэты — чокнутые. Неужели сам не понимаешь, что он тронутый? Да разве нормальный человек пошел бы тебя просить, чтоб ты меня ему вернул?

ИВАН. Не знаю, нормальный он или нет, но человек он хороший, и если ты Любка...

ЛЮБКА /прерывает его, зло/. Что, "Любка, Любка"?

ИВАН. Если ты его, Любка, на преступление толкнешь, я первый против тебя пойду.

ЛЮБКА /со смехом/. Какое мое будет преступление, если Марат Ганиевич, наоборот, мечтают вину передо мной искупить? Он меня все время спрашивает: "Аттестат зрелости достану — простите меня, Любочка, простите?"

ИВАН. За что прощать, опомнись, Любка?

ЛЮБКА. Как за что? Как за что прощать, если мне за Маратом Ганиевичем до одурения скучно жилось? Они ведь только писали и читали, а чтоб веселья, как у других, нормальных людей то есть, у нас и не бывало. Теперь себя попрекает: "Заморочил я вас, единственная моя, стихами! Прости, прости!" Вот так... теперь еще что скажу....

ИВАН. Любка! Слушай, Любка, ты можешь на секунду остановиться?

ЛЮБКА. Ой, Вань, ты давно бы сказал! Да я с тобой целый день молчать могу, не соскучусь, хоть ты теперь и женатый. /Оглядывает комнату/. Ты, Вань, живешь шибко красиво, да я тебя не сужу. Тебе хорошая жизнь полагается, это я сердцем чувю... Я бы...

ИВАН /резким, хриплым от волнения голосом/. Вон отсюда, Любка! Сказал - крест я на тебе поставил. Уходи... Учись по ворованному аттестату, снимайся в кинокартинах, выписывай себе в Москву Шарата Ганиевича, только уходи отсюда! /В крайнем возбуждении/. Уходи живей!

ЛЮБКА./смирненно/. Ладно, Вань... /Медленно поднимается с кресла/. Что ж, пойду, если гонишь... А я ведь по тебе соскучилась, каждую ночь во сне вижу... /Иван смотрит в сторону/. Так я пошла, Вань... Счастливо в армии служить! С молодой женой счастливо жить! Я тебя, Вань, никогда не забуду, а когда стану артисткой, все открытки с моими фотграфиями вышлю... /Смотрит Ивану пристально в глаза/.

ИВАН /сорванным голосом/. Уходи, Любка, быстрее уходи... Чтобы ничего плохо не вышло...

ЛЮБКА. Иду, Вань, иду... Прощай... /Уходит, искоса поглядывая на Ивана, не остановит ли он ее. Иван бросается к окну, всматриваясь в полутемень, следя за удаляющейся Любкой/.

/Распахивается дверь. На пороге взволнованная НАСТЯ./

НАСТЯ. Иван, ты где?

ИВАН. Здесь. Что-нибудь случилось?

НАСТЯ. Почему ты думаешь?

ИВАН. Сегодня суббота, обычно до полуночи маешься в клубе... Ты хоть разденься...

НАСТЯ. Кошмар какой-то! /С иронией/. Вся деревня Старо-Короткино бросилась во Дворец Культуры, все село бросилось спасать Настю Пospelову...

ИВАН. Ничего не понимаю! Почему спасать? От кого?

НАСТЯ. Я тоже ничего не могла понять. Только начали репетировать, подкрадывается ко мне уборщица Варя, подзывает меня... Иди, говорит, в твой опять с этой. У тебя в доме. Я не поверила, а все-таки побежала. Это страшно, Иван, если сегодня...

ИВАН. Не продолжай, Настя. Я от тебя ничего не скрывал и не скрою... Да, Любка была здесь. /Настя бессильно опускается на диван./ Но я на тебе женился, ты вышла за меня замуж... И я изменить тебе не могу... /Настя горько улыбается/. Не все мужчины одинаковы, Настя.

НАСТЯ. Нет, нет, Иван, я не о том... Я скажу тебе... Еще беда случилась одна... Да, большая беда... Поняла, что полюбила тебя... На всю жизнь...

З а т е м н е н и е.

ПРАСКОВЬЯ /в луче света/. Что он мог ответить Насте? Лгать... Она этого не заслужила. Но что он мог с собой поделать, если хотел думать только о Насте, а в голове была Любка?... Хоть он с ней больше и не видался...

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Признание Насти сделало его жизнь еще более трудной, еще более сложной. И не знаю, могло ли бы так продолжаться и дальше, если бы не долгожданный гудок, прока-

тившийся над Обью, гудок парохода, собиравшего призывников.

/Гудок. Шум приближающегося парохода. Издали звучит песня. Пристань. Виден спущенный на пароход трап. Появляются ИВАН с НАСТЕЙ и матерью. У Ивана за спиной – вещевой мешок, в руке чемоданчик, у Прасковьи – пакет с продуктами. Со всех сторон сходятся провожающие Ивана жители Старо-Короткина. Все обступают его, суят в руки всяческие гостинцы. Общий говор, смех/.

ВЕРЕТЕННИКОВ. Эх, Ванюшка, если бы я насчет питья зарок не дал, мы с тобой, Иван, сегодня напились мертвецки...

ИВАН /с улыбкой/. Во-время, значит, зарок дал. А то пришлось бы в одиночку.

ВЕРЕТЕННИКОВ. Ладно, отслужишь, вернешься – я на один день зарок с себя сниму.

ПРАСКОВЬЯ /обнимая Ивана/. Ванюшенька, сыночек мой ненаглядный, как ты там без меня будешь? Да что я-то без тебя делать буду? Без тебя мне до смерти скучно станет.

ИВАН. Ну, мам, я тебе обещал – каждый день писать буду, сегодня тебе, завтра – Насте.

ВЕРЕТЕННИКОВ. Ты не очень-то письмами размахивай: я уж отслужил, знаю... Хотя в армии личное время и положено, да не всегда его хватает, чтобы и высморкаться.

/ИВАН с Настей о чем-то беседуют/.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. А Любка-то не пришла...

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Так она ж, говорят, за Филаретова идет...

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Ну да! Как же я про то ничего не слышала? Наверяд ли.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Право слово.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Еще одному хорошему человеку жизнь ломает. К партийной власти подобралась.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Так власть-то тоже живой человек...

/Снова гудок. Все зашевелились, еще теснее обступая Ивана/.

НАСТЯ /сжав обе руки Ивана, целует его/. Все хорошо и правильно, Иван. Ни о чем не жалею, и ты не грызи себя: ты чистый и хороший человек. /Пауза. Тихо./ Может, скоро все и сбудется. Я жду ребенка. И надеюсь, будет сын. Хочу, чтоб был похож на тебя.

ИВАН /радостно/. Сын! Владимир... Нет, Алексей... Нет, Константин Иурзин! Как звучит? И как это только получается — сколько есть на земле людей, и вот появляется еще один человек! Мой человек! Константин Иванович Мурзин!

/Издали появляется ЛЮБКА. Она идет нарочито закинув голову, ни на кого не глядя/.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Приперла все-таки, нахалка!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Бесстыжая!

ЛЮБКА /громко/. Здравствуйте, Иван... Вот, пришла попрощаться. Может, теперь уж никогда не увидимся. Ты в армию, а я в Москву на киноартистку учиться. Ну, где нам встретиться? Прощай, Иван, мой школьный товарищ! Желаю тебе большого счастья, здоровья, и успехов в боевой и политической подготовке. Хочу при тебе пожаловаться на твою жену, Пospelову Настасью Глебовну, которая открыто презирает меня, на мои "здрaсте" не отвечает, и на последний концерт во Дворце культуры мне прода-

ли билет в последнем ряду сбоку. Ей надо знать, что я подруга твоего детства и юности. И зачем она сейчас со мной счеты сводит, когда я уже за Филаретова Александра Александровича замуж вышла? А тебя ей оставила. И вы, Прасковья Ильинична, тоже со мной не здороваетесь. А я вас уважаю и все равно буду подходить и говорить вам здрасте... /Отходит в сторону. Иван смотрит на нее. И на них обращены все взоры/.

/П а у з а/.

ЛЕЙТЕНАНТ /вбегая/. Пора, товарищ Мурзин! Пора! Со всеми попрощались? Тогда пошли...

/ИВАН поднимается на трап. Все машут платками, но он ищет глазами только Любу/.

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ? Новая жизнь началась в армии у Ванюшки Мурзина. Все было новым, трудным, за что ни возьмешься.

ПРАСКОВЬЯ. Вместо отца и матери – старшина. Вместо председателя колхоза – старший лейтенант. Все другое. Во всём поворот на сто восемьдесят градусов!

ВЕРЕТЕННИКОВ. Военная жизнь есть военная...

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ну, да что говорить, коль отслужил как положено.

/В полутьме возникает комната Насти. Стук в дверь... Еще раз стук – сильнее. Из спальни выходит НАСТЯ, на ходу застегивает халатик. Она подходит к входной двери/.

НАСТЯ. Кто там? /Сердито/. Что надо среди ночи?

ГОЛОС ИВАНА. Открывай, Настя! Кончай спать!

НАСТЯ. Ой, Иван! /Открывает дверь. Входит Иван в военной форме, с чемоданом в руке/. Ванюша! Дорогой мой! Наконец-то! Почему не предупредил? Хоть бы телеграмму дал! Я бы встретила!

ИВАН. Сюрпризом хотел! Сама знаешь, пароход будь он не ладен! – причаливает в Старо-Короткино в четыре утра! Ну, буду я тебя в такую рань поднимать?! Где мальчишка?! Подавай мне его сюда! Как он?

НАСТЯ. Спит. Что ему еще делать? Набил ~~в~~ брюхо овсяной кашей, и теперь его пушками не разбудишь. Сейчас сам увидишь. /Вывозит детскую коляску/. Вот смотри: разрешите представить – Константин Иван Мурзин! /Иван с волеием наклоняется над коляской/. Ты не бойся. Можешь поцеловать его, не проснется.

/Иван снова наклоняется к коляске/.

ИВАН. На тебя здорово похож. Только подбородок как у меня. /Иван и Настя молча смотрят на ребенка/. Как мать?

НАСТЯ. Хорошо. Здорова. Работает еще больше. Как дали ей Героя Социалистического труда, так совсем от дома отбилась — все со своими телятами! Тебя ждет не дождется. Каждый день поутру по телефону спрашивает — не приехал ли.

ИВАН. По какому телефону?

НАСТЯ. А у нас теперь весь колхоз телефонизирован. Матери твоей и мне чуть ли не первым поставили. Уважили... Вот... /Показывает/.

ИВАН. Ну, теперь, значит, нам жизни не будет.

/Распахивается дверь, вбегает ПРАСКОВЬЯ ИЛЬНИЧНА. Бросившись к Ивану, обнимает его/.

ПРАСКОВЬЯ. Сыночек! Родненький! Ванюшенька ты мой! Да какой ты стал красивый да серьезный!.. Ой, глазам своим не верю!

ИВАН /обнимает мать/. Здравствуй, мам! А ты откуда среди ночи узнала, что ^я прибыл?

ПРАСКОВЬЯ. Начальник пристани по телефону сообщил. Разбудил ночью.

ИВАН /с иронией/. Вот она, телефонизация! Начинается! Теперь вся деревня начнет поздравлять с возвращением, это что ж, всевечером в гости зови?

/Телефонный звонок/.

НАСТЯ /в трубку/. Слушаю. Да, да, приехал. /Ивану/. Тебя.

ИВАН /взяв трубку/. У аппарата! А-а! Яков Михайлович?! Привет, привет!.. А я-то как рад!.. Ну что вы, конечно, приходите... Ждем, ждем... Вернуться на работу? Ну, Яков Михайлович, об этом еще успеем. Поговорим, поговорим... Обязательно... /Вешает трубку/.

ПРАСКОВЬЯ. А что это ты, дочка, стоишь на месте? Сарший сержант, верно, есть хочет? И тащи на стол все, что в доме есть, завтракать будем, а то подумает, что мы ему вовсе не рады.

/Телефонный звонок. ИВАН снимает трубку/.

ИВАН. Слушаю... Прасковья Ильинична? Да, у нас. Тебя, мама. /Передает трубку/.

ПРАСКОВЬЯ. Кто? Даша? Что случилось? Машка отелилась? Ну да? Ветеринара нет?.. Сукин сын! Домой к нему звони... Не отвечает? Ладно, сама сейчас прибегу. /Повесив трубку/. Извиняюсь, на ферму требуют... Как управлюсь, так сразу, значит, обратно прибегу. /Убегает/.

ИВАН. Так всю жизнь и бегают!

НАСТЯ /расставляя на столе еду/. Знаешь, Иван, что твоя мать сказала, когда ей вручали звезду Героя? "Колхоз, - говорит, - у нас хороший, плохо в нем работать стыдно, вот я и стараюсь. Конечно, большое спасибо, но я обратно не пойму, какое тут геройство".

/Звонок телефона/.

ИВАН. Тьфу ты, поговорить спокойно не дадут... /В трубку/. Кто говорит? А-а! Николай... Здорово! Ничего... Спасибо,

спасибо... Приходи вечером, поговорим... Разумеется, и это будет... /Сердито повесив трубку/. Веретенников. Выпить ему захотелось.

НАСТЯ /осматривая стол/. Так... Все в порядке... Садись.. /Наливая рюмки/. Ну, первую рюмку за возвращение.

ИВАН. Спасибо... Знаешь, я стал заочником Ромского института.

НАСТЯ. Ты писал, Я рада.

ИВАН. В виде исключения разрешили мне индивидуальный план занятий - ну, что-то вроде жкстерна, поскольку у меня, как говорил когда-то директор моей школы, математическая шишка. Поначалу думал: поступлю в институт и буду ездить сдавать экзамены, а работать попрежнему здесь. Конечно, можно и так. Но зачем? По-моему, в город надо переезжать. /Его прерывает возвращение Прасковьи Ильиничны/. Что так скоро, мам?

ПРАСКОВЬЯ. За углом встретила ветеринара, он как раз на ферму шел. Я ему всыпала за опоздание, а сама сюда скорее.

ИВАН. За здоровье мамы. /Встает, обнимает мать/.

НАСТЯ. Мы тут с Иваном перспективу дальнейшей жизни обсуждали. В Ромок переезжать хочет. Как вы на это, Прасковья Ильинична?

/ПРАСКОВЬЯ ИЛЬИНИЧНА и ИВАН обмениваются взглядами/.

ИВАН. Я, мам, право, еще как-то не решил окончательно... Ведь ты с нами, наверное, не поедешь? /Пауза/. Как ты тут одна будешь?

ПРАСКОВЬЯ. /прерывая его/. Я тебе вот что скажу, Ванюша. Что я одна остаюсь, ты из сердца вынь и себя не кори. Не за морем-океаном этот Ромск! Соскучусь - приеду. Ты обязательно в город подавайся, сынок! Там всегда горячая вода, как у нас в телятнике... Вот тебе мое материнское благословение - поезжай! А ты, Настена, ты что, лапушка, притихла, точно не родная? Тебе тоже слово надо сказать.

НАСТЯ /помолчав/. Ехать, так ехать.

ПРАСКОВЬЯ. Костеньку со мной оставьте, пока не устроитесь как следует. Что ему с вами маяться?

НАСТЯ. Может, и правильно... /Все умолкают. Пауза/. Нам отсюда вырваться надо, потому что... /Взгляд на Ивана/. И Потому что... страшнее кошки зверя нет.

ИВАН /с укором/. Перестань... Ну зачем ты...

НАСТЯ. Эх, родной мой муженек! /Жестко/. Если вы учиняете бегство от самого себя, то позвольте вам выйти вон, выражаясь языком Чехова, вместе с вашей математической шишкой и прочими мужскими достоинствами! Позвольте вам выйти вон!

З а т е м н е н и е.

ПРАСКОВЬЯ/ В луче света участники спектакля/. Гулянка по поводу возвращения в родное село Ивана Мурзина, ныне сержанта запаса, продолжалась без малого ночь.

ВЕРЕТЕННИКОВ. В гулянке приняло участие полдеревни, все вышли, как на субботник, без опоздавших и без бюллетенщиков.

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Утром Прасковья побежала к своим тебяттам, Настя - к своим кружковцам и нюхать киномеханика, не пьян ли, а Иван побрел домой...

/Навстречу Ивану медленно идет ЛЮБКА/.

ЛЮБКА /хриплым от волнения голосом/. Здравствуй, Ваня.

С благополучным тебя возвращением. С приездом, значит.

ИВАН /так же, с сильным волнением/. Спасибо. Здравствуй!

ЛЮБКА. Вернулся, значит? Отслужил срок в армии, поступил в институт. А теперь вернулся, значит?

ИВАН. Вернулся.

ЛЮБКА. Ну, и тогда здравствуй, Иван.

ИВАН. Здравствуй, Люба.

/Молча стоят, не подходя к друг другу/.

ЛЮБКА. Иван...

ИВАН. Так дело не пойдет! Если так продолжаться будет, цена мне — потухшая головешка. Ем с тобой поговорить надо, Любка. Присесть вон на том бревнышке и поговорить. /Садятся на лежащее неподалеку бревно/. Не чужие мы, с малолетства вместе. Откровенно говорить можем. Нам, Люба; нам с тобой на прошлое надо три креста поставить. Сы у меня, понимаешь, сын. Тебе нужно тоже определяться, Люба. /Любка сидит окаменелая/. Слышишь, Люба! Муж у тебя хороший, лучше не надо. Заимей ребенка. Это знаешь как здорово!

ЛЮБКА /насмешливо/. А ты обо мне сильно не беспокойся. Живу себе и живу. Ни одно кино, ни один концерт областных артистов не пропускаю. Мохеровы шарфы и свитера вяжу, а из шерсти рукавички и лыжные шапочки.

ИВАН. Бестолково ты разговариваешь, Люба! /Молчание/.

ЛЮБКА. Вань, а Вань! /С горькой усмешкой/. Вот не поверишь, а я тебе стесняться стала, будто ты не Ванюшка Мурзин, а какой-нибудь Марат Ганиевич. Ты, Вань, сильно солидный

стал. Это почему такое с тобой случилось?

ИВАН /хмуро/. Ничего со мной не случилось, Изменился — это правда, но и ты, Любка, совсем другая стала. Не корю, но ведь ты сама виновата, что мы с тобой в стороны. Сама говорила: "Какой ты жених, если просто Ванюшка Мурзин!"

ЛЮБКА. Говорила. Не походил ты раньше на жениха, а вот теперь...

ИВАН. & Что теперь?

ЛЮБКА. А теперь ты, Вань, ближе к жениху подвинулся, хотя целиком и полностью еще не жених, а, скажем, половиной прежний Ванюшка Мурзин, друг детства златокудрой подружки Любки Ненашевой!

ИВАН /со злостью/. Тьфу ты! Я тебе арифмометр подарю, будешь ежегодно высчитывать, на сколько процентов я в женихи для тебя продвинулся!.. Давай кончать с этим делом! Так что договор такой: идешь по тротуару, а я навстречу — "Здравствуй!" и "Здравствуй!" — весь разговор! И все дальнейшее в таком же духе и порядке. Поняла?

ЛЮБКА. Поняла, Ваня, до последней буквы поняла... Хочу тебе еще слово сказать, да как-то не могу...

ИВАН. Ну и не говори! /Поднимаясь с бревна/. Ухожу. /Любка продолжает сидеть, опустив голову на руки. Иван останавливается и оглядывается/.

ЛЮБКА /плача/. Вот ты уходишь, а на бревне остался самый дорогой для ~~них~~ тебя человек, несчастный от туфель до заколки на голове!

ИВАН. Я от тебя отрежанный ломоть. Прощай, Любка.

/Темнота. Кабинет председателя колхоза Якова Михайловича. Он разговаривает по телефону/.

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ /в трубку/. Еще раз повторяю: я за вас подписывать не стану. Разбирайтесь сами. Сколько раз...

/Входит ИВАН. ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ жестом предлагает ему сесть/.

/в трубку/. ... сколько раз я говорил, что это всецело ваше дело. Вы главный инженер, вы и решайте. /Сердито вешает трубку/. Надоело, понимаешь, все бояться на себя ответственность брать... Ну, что скажете, Иван Васильевич?

ИВАН? Проститься пришел. Хочу вам объяснить...

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ /не давая ему говорить/. Уже два раза приходил, объяснял... /Взорвавшись/. Дезертир! Предатель! Себялюбец! Я тебя раскусил - не так ты прост, Иван Мурзин, как себя подать хочешь. Верю теперь в твою математическую шишку: верно ты ~~к~~ рассчитал, без ошибок, как на гору забираться. Ну и вали к чертовой матери, если вся деревня в тебе ошиблась. Уезжай, гражданин Мурзин, на городские хлеба, хоть и наши хлеб и мясо есть будете. Мы народ щедрый, не жадные, без шишек! Не станем подсчитывать, сколько ты нашего хлеба в городе съешь! В общем - скатертью дорога!

ИВАН. Яков Михайлович, да я не о том пришел...

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ /сразу успокоившись/. Может, переменил решение, черт тебя... извиняюсь, поberi. А?

ИВАН. Не пришел бы я к такому занятому человеку, как вы, Яков Михайлович, если бы не были вы мне близким и родным.

Вся жизнь прошла у вас на глазах, вся жизнь моя и моей матери пересеклась с вашей. И я так уехать из родной деревни не могу. "Дезертир", "Предатель" — и с тем уезжать?!

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Обиделся, что ли? А разве не так?

ИВАН. Мы с женой много думали. По всему раскладу получается, что ехать нам обязательно.

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ /снова рассердился/. Ну и езжайте! Кто тебя держит? Сказал уже — скатертью дорога! /Пауза/.

ИВАН. Ну, тогда я вам вопрос задам... /Тихо./ Вы меня простите, если мой сын Костя без отца останется?

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ /долго смотрит на Ивана испытующим взглядом/. Неужели, Ванюша, все по новой начинается? Неужели не кончилось и... и снова? Продолжается?

ИВАН. Не продолжается, но продолжится, если... не убегу! Понимаете, если не убегу!

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ /уткнув нос в какую-то бумагу, делает вид, что читает ее/. Ну, раз так... Хорошо, езжай, "дезертира" и "Предателя" беру обратно. Уездай спокойно.

/Освещается комната Насти. Входит ИВАН с чемоданом в руках/.

ИВАН. Вот, Настя, по твоему руководящему указанию купил чемодан побольше.

НАСТЯ. Слушай, Иван. Я получила письмо из областного отдела культуры. Быть мне директором Дворца культуры в Ромске. На, читай. /Дает письмо Ивану/.

ИВАН /пробежав письмо глазами/. Ну и хорошо! Отлично! Сразу интересная работа. Знаешь, что на заводе "Подшипник" самый большой зал в области? Московские артисты часто приезжают.

НАСТЯ. А может, Иван, тебе в Ромске на очный перевестись?

ИВАН. Я уже и сам думал об этом, но...

/Стук в дверь/.

НАСТЯ. Ну, если это опять кинемеханик пришел три рубля занимать... /Подходит к двери/. Кто это?

ГОЛОС ЛЮБКИ. Можно к вам? /Иван вскакивает./

НАСТЯ /посмотрев на Ивана/. Пожалуйста.

/Входит ЛЮБКА. Она гладко причесана, на ней никаких следов косметики, глаза скромно опущены, длинная юбка - словом, сельская учительница/.

ЛЮБКА. Спасибо. Я пройду, Настасья Глебовна. Здравствуйте.

НАСТЯ. Садитесь, пожалуйста. Вот сюда. /Пододвигает к ней кресло/.

ЛЮБКА. Благодарю вас, вы очень любезны. /Садится/. Простите, Настасья Глебовна, за беспокойство. Извините за неожиданный визит, Иван Васильевич. Прекрасная погода, вы не находите? Даже Тор... Торнтон Уайльдер не читается. Какой прекрасный роман "Теодил Норт"! Вам нравится, Настасья Глебовна?

НАСТЯ. Не читала. Не слышала.

ЛЮБКА /нарочито удивленно/. Да что вы? Журнал "Иност-

ранная литература", июльский и августовский номера... то есть номера. /Длительное молчание/.

НАСТЯ /посмотрела в окно/. А вы правы, Любовь Ивановна. Погода сегодня действительно чудесная.

ЛЮБКА. А у меня к вам дело, Настасья Глебовна. Мы с Филаретовым никак по-человечески обставиться не можем. Вы, говорят, в Ромск переезжаете и хотите мебель продать?

НАСТЯ. Да. Гарнитур, Он стоит...

ЛЮБКА. Простите, что перебиваю, Настасья Глебовна, только нам сколько стоит он — без надобности. Не дороже денег, я полагаю.

НАСТЯ. И скидка за амортизацию. Так что всего...

ЛЮБКА /снова прерывая ее/. А скидка нам и вовсе без надобности.

НАСТЯ. За полную цену я не продам.

ЛЮБКА. Зря.

НАСТЯ. Зря или не зря — но скидка двадцать пять процентов. Так и передайте Александру Александровичу.

ЛЮБКА. А Филаретов здесь без адресу, потому как все дела хозяйка, то есть, значит, я решаю. Вы когда собираетесь переезжать?

НАСТЯ. В четверг на будущей неделе.

ЛЮБКА. Стало быть, в понедельник мебель забирать можно?

НАСТЯ. Учтите только, если захотите брать гарнитур неразо-
збранным, понадобится два грузовика.

ЛЮБКА /вызывающе/. А мы и три пригнать можем. Только вам, Настасья Глебовна, без мебелишки — то несколько дней трудно

будет. Так нам с Филаретовым подождать вполне возможно.

НАСТЯ. Благодарю за заботу, но мы на эти дни переберемся в дом к Прасковье Ильиничне.

ЛЮБКА. А если вам деньги нужны — пожалуйста, с удовольствием. Хоть сейчас. /Открывает сумочку/.

НАСТЯ. Еще раз благодарю, но деньги у нас есть. Так что в понедельник, как стоворились, можно мебель забирать.

ЛЮБКА. Значит, до понедельника, Настасья Глебовна. /Уходит, небрежно кивнув Ивану головой/. До свиданья.

/НАСТЯ, закрыв за ней дверь, стоит молча, не отходя от двери/.

ИВАН /со злостью/. Мебель покупала, как будто для сорок восьмой комнаты старинного замка. Даже не взглянула как следует.

НАСТЯ. Ее дело.

ИВАН. А о романе-то! Всю дичь порола со слов Марата Ганиевича да Филаретова. Сроду не было, чтобы Любка книжку до конца прочла!

НАСТЯ. Тоже ее дело.

ИВАН. Она даже детективы в три приема читала, узнает, кто убит, потом перелистает до середины, поинтересуется кого подозревают в убийстве — и разу в конец книги: кто же настоящий убийца?

НАСТЯ. Тебе виднее. /Пауза./ Я сегодня в первый раз так близко и подробно рассмотрела Ненашеву. Ничего в ней не поняла, но скажу только — таких женщин любят долго; может быть, и навсегда. /Пристально смотрит на Ивана/.

ИВАН. Да, да, правильно уезжать! Оба с тобой надорвемся, если здесь задержимся... Эх, пойти завтра в последний раз спозаранку поплавать по нашей Обишке — когда еще придется в ней искупаться, да и придется ли?

З а т е м н е н и е.

/Берег реки. Проходит ИВАН с полотенцем на плече.

На **широкой** простыне лежит в купальном костюме — ЛЮБКА. увидев ее, ИВАН **останавливается** и с недоумением смотрит на нее/.

ИВАН. Это как же так? /Резко поворачивается, чтобы уйти, но Любка, точно почуяв кого-то за спиной, окликает его/.

ЛЮБКА. Иван! /Иван продолжает стоять/. Чего ты стоишь, Ванюшка? Садись, садись, пожалуйста, вот сюда, прямо на простынь. Здравствуй.

ИВАН /угромо/. Здравствуй. /Пауза./ Хотел напоследок один в реке искупаться — и тебя сюда принесло... Ты ж холодной воды боишься! Зачем пришла?... Ну, пригласила ~~внучку~~ сесть, так разговаривай. /Садится/.

ЛЮБКА. Мне хоть и трудно с тобой разговаривать, я скажу — твоя жена меня оскорбила.

ИВАН. Чем это она тебя оскорбила? Где? Не может того быть — она человек воспитанный. Врешь ты!

ЛЮБКА. Вот и ты меня оскорбляешь. Хотя я тебя, Ваня, так сильно люблю, что до самой смерти... Где оскорбила, спрашиваешь? Да вот здесь, час назад, на этом самом месте!

ИВАН. Опять ты все врешь!

ЛЮБКА. Я сегодня в пять утра вызвездилась, чтоб сюда придти и тебя увидеть, да поговорить. Знаю, ведь ты каждый день спозаранку к реке приходишь поплавать. Вот я и решила тебя здесь поустру застать, пришла поране.

ИВАН. Да не тyani ты, говори, в чем дело.

ЛЮБКА. А твоя жена тоже сюда пришла, да еще прежде, чем ты. Как она явилась, я ей, конечно, говорю "Здравствуйте, Настасья Глебовна! Какая вы красивая сегодня!" А она мне "здр" и в воду. Даже на меня не посмотрела. Я от слез промокла вся. А как она реку туда-сюда переплыла, я, конечно, подошла к ней и выдала. "Зря, Настасья Глебовна, мужа от меня срочно увозите и мебель задешево продаете! Я Ванюшку Мурзина, друга моего златокрудрого детства, пальцем не трону". И опять как разревусь - ну словно коровушка. "Я, - говорю ей, - я, Настасья Глебовна, ночь не спала и в пять утра пришла, чтобы вас увидеть и ваше сердце успокоить".

ИВАН. Любишь ты тянуть, Любка! Не пойму ж - когда она тебя оскорбила?

ЛЮБКА. Тут она меня и оскорбила. "Дурочка ты, говорит, бедная дурочка! Что с тебя спрашивать?" - говорит. /Начинает плакать/.

ИВАН. Реветь перестань! Отвечай - зачем тебе все это понадобилось? /Любка хочет ответить. Иван предостерегающе поднимает руку/. Я-то знаю, что у тебя под челочкой крутится! Зачем на берег пришла? Свести счета с Настей, что я в ней, а не с тобой? Люба, я на пределе... Поняла?

ЛЮБКА. Поняла. Но ты тоже не мальчик, не бедный дурачок, знаешь, почему я сижу на берегу? Ой, Иван, нам ли ловчить друг с другом? Пропадем ведь... Не могу я без тебя, никак не могу. И днем и ночью хочу быть с тобой... В Ромск уедешь — достану. В Лондон — долечу.

ИВАН. Любка, я...

ЛЮБКА. Не перебивай! Хочешь спросить, почему я твоей ~~жене~~ женой не стала? Это ты не у меня спроси, а у той Любки Ненашевой, которая за Марата вышла. Только та Любка могла бы объяснить.

ИВАН /прерывающимся от волнения голосом/. Любка...

ЛЮБКА /тихо/. Пропадем, Иван!.. Уходи, уходи, потихонечку.

/ИВАН хочет что-то сказать, но потом встает, и, махнув рукой, не посмотрев на Любку, быстро уходит. Темнота. Комната Прасковьи Ильиничны, где живут сейчас НАСТЯ и Иван до отъезда в Ромск. Входит ИВАН/.

ИВАН. Настя! Ты дома? Ты где?

ГОЛОС НАСТИ. Здесь, Прилегла немного.

ИВАН. Мне с тобой надо поговорить, Настя. Я случайно встретил Любку и все знаю.

НАСТЯ /показываясь в дверях/. Что "все"?

ИВАН. Про вашу встречу. Хочешь поговорить, Настя?

НАСТЯ. Зачем? О чем? Я тебя люблю, другого ничего не хочу, говорить не о чем. /Долгое молчание/. И... И вот что, Иван, объяснять ничего не буду, но в Ромск не поеду. Хочу остаться здесь, и тебе советую...

/Направляется к двери. ИВАН сидит за столом, опустив голову на руки. НАСТЯ останавливается в дверях, и, увидев, что ИВАН в отчаянии, возвращается к нему./

Иван! Ванюша, пойми, нельзя уезжать: еще хуже будет. Если здесь не справишься, в Ромске — тем более. От самого себя не убежишь... Должен здесь сам разобраться — дело за временем. А я выдержу... Да, я выдержу... /Погладив Ивана по голове, уходит/.

З а т е м н е н и е.

/Кабинет Якова Михайловича. Он расхаживает большими шагами по комнате, ИВАН сидит перед его письменным столом/.

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Ну что же, сам хотел остаться в колхозе. Я тебя гнать не собирался. И о причинах такого решения не спрашивал. Хотя, конечно, странно: подписывал приказ о твоем увольнении /подчеркивает/ по собственному желанию, потом приказ о приеме на работу /с насмешкой/ тоже по собственному желанию?

ИВАН /хмуро/. Со стороны глядя — так и получается.

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Назначил тебя бригадиром тракторной бригады. Трактористами командовать. С парторгом Филаретовым вопрос утряс. Так вот... До конца года осталось три месяца с лишним, за это время надо перестроить работу тракторного парка.

ИВАН. Ладно. Тем более, в январе у меня в Ромске экзамены. Возражать не будете?

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Возражал бы, да закон предусматривает.

/Входит ВЕРЕТЕННИКОВ/.

ИВАН. Ты свою машину доделал? Твоя семерка сколько времени без гусениц стоит, что без штанов!

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Отвечай!

ВЕРЕТЕННИКОВ. А откуда им быть? Вот, к примеру, наш бригадир Мурзин. Разве он толком о наших делах размышляет? Какой же он на самом деле работник, если у него по всем ночам в комнате свет горит? Уж больно ему ученым быть охота... А моя машина, к примеру, в сентябре три дня простояла. Пускач вышел из строя.

ИВАН. Ай-ай-ай! Бедный! Подумайте только, вручную повернуть не может. На соревнованиях пудовыми гирями крестится, а ручку повернуть сил не хватает. Куры, и те смеются!

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Эх ты... А я тебе будильник хотел на собрании вручить...

ВЕРЕТЕННИКОВ. А мне, к примеру, ваш электрический будильник как до лампочки. Я сам до вторых петухов просыпаюсь, да и своих будильников у меня два... /Уходит/.

Т е м н о т а.

/Освещается номер гостиницы. За столом сидит ИВАН и что-то пишет. Вокруг стола на полу скомканные бумажки. Раздается телефонный звонок./

ИВАН /поспешно снимая трубку/. Да?... Да, да, заказывал... Настя? Я не разбудил тебя?... Пока все хорошо. Один экзамен остался, математический анализ... Что? Честно скажу, побаиваюсь, Что? Говори громче, Настя. Да, разрешили сдавать по индивидуальному плану. Что? Время истекло? Одно только слово еще... Алло Алло! разъединила, стерва!

/Осторожный стук в дверь./

Войдите.

/Входит ЛЮБКА. Она модно одета и причесана/.

ИВАН /в крайнем изумлении/. Ты?!

ЛЮБКА. Я. /Пауза./ Сам видишь. А присесть можно?

ИВАН. Садись, /Любка осторожно садится на краешек стула/.
Ты почему в Ромске?

ЛЮБКА. Ты разве ~~не~~ не знал, что здесь сейчас семинар проводится для партактива?

ИВАН. Ну, знал. Ты-то здесь причем?

ЛЮБКА. А притом, что Филаретова сюда вызвали, а я с ним и увязалась.

ИВАН. Так ведь актив три дня как кончился!

ЛЮБКА. Верно. Вот Филаретов вчера домой и улетел, а я осталась. Сказала, что ^априбрахлиться хочу.

ИВАН. Зачем врала?

ЛЮБКА. Не понимаешь?

ИВАН. Меня-то как нашла?

ЛЮБКА. Проще простого. Я ведь, Ванюшка, о тебе всегда знаю все. Стало быть, знала и то, что ты здесь экзамены сдаешь. Пришла в гостиницу, спросила, не остановился у вас тут в гостинице мой друг Мурзин, у которого мамематическая шишка? Дежурный посмотрел: "Есть, говорит, такой, номер сто три..." Вот я и пришла. /Пауза./ А ты все учишься?

ИВАН. Сама не видишь?

ЛЮБКА. Ну, учись, учись. Я мешать не буду. Посижу - уйду. /Смирненно складывает руки на коленях./ Вань, а Вань... /Иван поднимает на Любку глаза/. А ведь я знаю, о чем ты думаешь?.. Смотришь на меня и думаешь, что я - дура, хоть знаешь, что умнее других твоих знакомых... Умней меня в сто

раз — это ты один, Ванюшка... Не думай, что ~~я~~ подлизываюсь — про твой ум я тебе еще в котором классе говорила. Помнишь, когда?

ИВАН. В первом классе.

ЛЮБКА. Во! /Заметив, что Иван искоса смотрит на ~~я~~ её ноги/. Ну, чего ты на мои ноги смотреть боишься? Ведь твои они, все твоё, а ты — боишься? А мне хоть отними их, они мне не нужны, если тебя со мной нет! Ванюшк!

ИВАН. Ну?

ЛЮБКА. Ванюшк, знаешь, сколько я подушек проплакала, когда замуж за Марата Ганиевича выходила? Ужас! Проснусь — мокро под щекой... Вот, так и живу. /Пауза. Тихо./ Ребенка хочу. Не ~~рожу~~ — головой в Обь... Утоплюсь, Иван!

ИВАН /кричит/. Знаешь, как это называется?

ЛЮБКА./испуганно/. Что ты кричишь, Иван, что ты кричишь? Вань, а Вань, опомнись! Я ж тебя так люблю, что и слов не хватает. Ох, как я люблю тебя! До смерти...

/ИВАН осторожно привлекает к себе на грудь нолову Любки./

ИВАН. Молчи, Любка, лучше молчи. /Прикасается губами к ее волосам/.

ЛЮБКА /восторженно/. Вот это, Вань, другое дело. Так ты мне больше глядишься... /Обнимает его/.

ИВАН. Люб-ка-а?! /Осыпает ее лицо поцелуями/.

ЛЮБКА /торжествующе/. Вот и все! Вот и все!

З а т е м н е н и е.

/Звук снижающегося самолета. Освещается комната Насти и Ивана в доме Прасковьи Ильиничны. Входят ИВАН и НАСТЯ. Оба в пальто, у него в руке небольшой чемодан и портфель/.

НАСТЯ. Отчего такое опоздание?

ИВАН. Ромск не давал вылета.

НАСТЯ. Есть хочешь?

ИВАН. Нет, спасибо. Перед вылетом плотно позавтракал.

НАСТЯ. Вот что, Иван, давай не откладывать... Я на днях с Филаретовым разговаривала. На редкость умный и тактичный человек. Честный, порядочный. Очень любит свою жену. Но знает всё... Вот так. Всё знает. Да ты садись, чего на ногах торчать... Так вот, Иван... /Прижимает руки к груди, стиснув пальцы/. Не могу и не хочу видеть, как ты трусишь, виляешь, в глаза глядеть боишься... Я готова за тебя от стыда сгореть... Так что не будем откладывать ни на секунду.

ИВАН. Говори...

НАСТЯ. Не хочу этому верить... Может, это сплетня? Или правда? Скажи мне сам. Это правда? Или...

ИВАН/останавливая Настю/. Правда... Так что... тебе обдумать надо. /Долгое молчание. Иван, не сказав ни слова, уходит в соседнюю комнату. Настя стоит в оцепенении. Входит Прасковья Ильинична/.

ПРАСКОВЬЯ ИЛЬНИЧНА. Прилетел? /Настя кивает головой/. Спать лег?

НАСТЯ. Устал с дороги.

ИВАН /появляясь на пороге/. Не сплю. Здравствуй мам...

ПРАСКОВЬЯ. Здравствуй, родненький мой. /Посмотрев на сына, потом на Настю, которые явно стараются не глядеть друг на друга/. Я, конечно, сильно извиняюсь, но если ты, Настена, и ты, Иван, маленько разговор сурьезный дозволите, то я бы слово сказать хотела... Еще раз извиняюсь...

ИВАН. Я готов разговаривать, мам, если Настя захочет...

НАСТЯ. Хочу.

ПРАСКОВЬЯ. Так ты и начни. Начинай, невестушка моя хорошая. Иван потом, да и я **перегожу**.

НАСТЯ. Хорошо... Я рада, Прасковья Ильинична, что Иван мне не врет... Он сильный человек, мне нравится, что он сильный. Так вот... Я на послезавтра уже по телефону билеты на самолет заказала. Последним рейсом. /С усмешкой/. Так что телефонизация деревни — действительно большое дело.

ПРАСКОВЬЯ. Вот оно как... Настя, а ты не **торопишься**? Ты, может, решение приняла, как говорится, в слишком сжатые сроки? /Ходит по комнате/. Я вам вот что скажу. Я от моего Василия тоже уходила. Два раза. Такой же был влюбчивый, как и его сын... /Показывает на Ивана/.

ИВАН /с тоской/. Не то ты говоришь, мама... Какой уж я влюбчивый... Тут совсем другое дело. /Машет безнадежно рукой/.

ПРАСКОВЬЯ. Помолчи, Ванюша, твое слово еще будет... А я **от** Василия не ушла... Если бы я так поступила, остался бы ты, Иван, безотцовщиной... Конечно, любовь дело такое, что от нее дети рождаются. А сиротами их оставлять — тоже любовь?... Ты, Настенька, слушай меня правильно. Не принимай только вот так прямо. Свою волю не навязываю, а вам сообщить должна. Может, не знаете... Александр Александрович Филаретов от жены, то есть, от Любки, ушел жить на другую квартиру... Ему обо всем ромские товарищи сообщили. А Любка ему прямо все сказала. Так что же ты с нами, Иван, производишь? /Уходит/.

ИВАН. Настя... Прости... Прости ты меня... На коленях просить буду.

НАСТЯ. Уж не заболел ли ты, Иван? /С горечью/. За что прощать? Разве тебе этого надо?

ИВАН. Уедем! Уедем с тобой! Куда хочешь? Хоть на край света!

НАСТЯ /жестко/. На край света легче всего уехать! Особенно на словах. Сколько раз ты мне врал?

ИВАН. Никогда тебе не врал. Да ты и сама знаешь, что я никогда не вру. В деревне я с ней раз-два встретился, так об этом тебе сам рассказал, ничего не утаил... В Ромске беда произошла... /Молчание/.

НАСТЯ. Теперь меня выслушай. Вышла я замуж по любви. Хотела от тебя ребенка. Имею. Хотела забыть полярника - забыла. /С иронией/. Спасибо тебе сказать должна...

ИВАН. А сын? Он тоже мне спасибо скажет? /Вскакивает/. Нет, Настя, не допущу, чтобы он без отца остался. Я себя выправлю... Найду силы, увидишь, выправлюсь...

НАСТЯ /медленно/. А если у Ненашевой ребенок будет? Куда прикажешь определить?

ИВАН /тихо/. Ребенка-то, может, и не будет.

НАСТЯ /истеричеки/. Замолчи! Замолчи, подлец! Подлец! Замолч - За-мол-чи!!

/Убегает. Пауза. С улицы раздается песня/.

СОСЕДКА /в дверях/. Слушай, Иван, выйди на минутку. Зовет.

/ИВАН выходит. Темнота. На улице его ждет ЛЮБКА/.

ИВАН. Ну, говори. Зачем звала?

ЛЮБКА. Неужто не понимаешь, что я теперь без тебя ничего решить не могу? Ох, Иван, сильно ты неверный человек! Просто легкомысленный.

ИВАН. Зачем пришла?

ЛЮБКА. Филаретов приходил мириться. Его переводят в Кетский район. Хочет увезти меня с собой. Говорит: "Если ребенок и будет, так ведь это ж твой, Люба, я его полюблю!" Он сильно хороший человек, Филаретов!

ИВАН. А я дрянь и подлюга.

ЛЮБКА. Нет, Ванюшк, мы не подлюги, мы - любовь! Ты, Вань, сразу болтаешь, что попало. Так вот, отвечай: ехать мне в Кетский район или не ехать? Конечно, пожить в райцентре всякому охота, но я пока не решаюсь!.. А Филаретову надо срочно... Ты чего на меня смотришь да прamalкиваешь?

ИВАН /со злостью/. Поезжай в райцентр, тебе от этого большая польза будет.

ЛЮБКА. Ой, ты серьезно, Иван?

ИВАН. Серьезно.

ЛЮБКА. Представляешь, себе, самый большой из райцентров. Три кино, театр для гастролей артистов, стадион и всякое такое. Мне Филаретов подробно расписал... Значит, ехать?

ИВАН /сквозь зубы/. Поезжай, если охота. С предельной скоростью! Я тебе, Любка, даю сердечное "добро"!

ЛЮБКА /повернувшись к нему спиной/. Сам поезжай!

ИВАН. Че-е-го?

ЛЮБКА. Сам поезжай, говорю, со своим "добро"! Приветик! /Уходит./

З а т е м н е н и е.

ПРАСКОВЬЯ /в луче света/. И вот прошла последняя ночь... Бессонная от первой до последней минуты... Поверить ли еще раз человеку, который ее обманывал? А, впрочем, обманывал ли?... Он ведь ничего не скрывал. Она знала все от начала до конца. До самого конца...

НАСТЯ /тихо/. Я любила его...

~~ИВАН~~. ПРАСКОВЬЯ. Настена!..

НАСТЯ. Что, Прасковья Ильинична?

ПРАСКОВЬЯ /берет большую дорожную сумку и платье/.

Не пойму, как твоя сумка открывается?

НАСТЯ. Вот так... /Открывает сумку и укладывает платье./

ПРАСКОВЬЯ./опустившись в кресло/. Настенька...

НАСТЯ. Что, Прасковья Ильинична?

ПРАСКОВЬЯ. Может, все-таки еще передумаешь?

НАСТЯ. О чем, о чем, Прасковья Ильинична? Дорогая, о чем? Нет, ни к чему? Не стоит... И не плачьте, Прасковья Ильинична, ради бога, не плачьте...

ПРАСКОВЬЯ. Голубка, ты моя... Ведь вся жизнь ломается... И сына моего единственного, и твоя, а ты мне стала вроде дочки родная, и Костеньки жизнь... Он-то как?

НАСТЯ. За него не беспокойтесь. Постараюсь сохранить в нем хорошую память об отце.

ПРАСКОВЬЯ. Настена... Поверь мне... Я многое за свою жизнь повидала и переживала... Я тебе уже говорила — это блажь, это пройдет.

НАСТЯ. Нет, Прасковья Ильинична, это не блажь. И это не пройдет. Это сильнее его самого. И если я останусь, ничего хорошего не получится. Может быть, так — я Костеньке отца сохраняю. Хоть на расстоянии, хоть для редких встреч.

ПРАСКОВЬЯ. Стало быть, окончательно про себя решила?

НАСТЯ. Окончательно. И отменять своего решения не стану. Чтобы потом самой себе не говорить: "Тряпка!"

/Темнота. Гул улетающего самолета. Становятся видны силуэты стоящих Ивана и Прасковьи Ильиничны/.

ПРАСКОВЬЯ. Вот и улетела...

ИВАН. Да... Улетела.

ПРАСКОВЬЯ. Это на каком же Настена улетела?

ИВАН. На турбо-винтовом...

ПРАСКОВЬЯ. Не успел подняться, а уже вроде точки в небе.

ИВАН. Да...

ПРАСКОВЬЯ. Вроде как камень из рогатки...

ИВАН. К вечеру уже в Ленинграде будет.

ПРАСКОВЬЯ. Ты все-таки отвечай: что будешь делать с Любкой? Я-то сильно хорошо знаю, что у тебя к ней большая любовь...

ИВАН. Зачем, мам, спрашиваешь? Сама говоришь, что знаешь. Ведь Любка сроду мне жена, родилась моей женой... Я бы с ней на второй день совершеннолетия в ЗАГС... Да что

тебе рассказывать...

ПРАСКОВЬЯ. Знаю... Только помни, Иван, я Любке ничего простить не могу. Много зла она мне причинила, жизнь всю испортила. В упор на Любку смотрю - и не вижу. Живи как хочешь, а я вам не помощник.

/У х о д и т/.

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ /в луче света/. Дни шли за днями. По вечерам над Старо-Короткиным уже не густели темно-синие сумерки, переходящие в ночь... Виделись они с Любкой редко, но все-таки виделись...

/Медленно входит ЛЮБКА. На ней широкое платье, скрывающее беременность/.

ИВАН. Здравствуй...

ЛЮБКА. Здравствуй...

ИВАН. Ну как?

ЛЮБКА. Зеленская говорит - скоро. /Пауза. Любка берет Ивана за руку/. А глупо и пошло мы себя ведем, Иван! Глупо и трусливо. Любим друг друга, я от Филаретова ушла, от тебя жена уехала. А живем порознь и даже встретиться боимся... Ну, я дура, а ты-то, ты-то!.. Почему мы сейчас должны по разным домам находиться? Почему? Я с тобой согласна жить где угодно, только бы вместе... Правда...

ИВАН. Любка, ты ведь знаешь, мать...

ЛЮБКА. Помолчи, Иван. Дай договору... Скажи только слово - я из дому уйду... Ой, Иван, трудно мне в твоём доме с Тетей Пашей будет. /С улыбкой/. Но, может, и она отойдет, когда я рожу Ивана, такого светлоголовенького...

ИВАН. Так как решить будем? В районную больницу тебя повезем или здесь к Зеленской?

ЛЮБКА. Не понимаю. Зачем в район?

ИВАН. И понимать нечего. Боюсь я немного. Зеленская в этом деле не сильно кумекает. А районная больница — это районная больница.

ЛЮБКА /прерывая/. Сказала же я — не поеду в район. Будь лето, я бы и в сарае родила... И чего всполошился? Вон Валька Веретенникова недавно рожала — в несколько часов управилась. А бутуз какой!.. А я тройрю рожу — и не охну. Подумаешь, городская я, что ли?

З а т е м н е н и е.

/Приемная Старо-Короткинской больницы. Здесь сидят МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА НЕНАШЕВА, ПРАСКОВЬЯ ИЛЬНИЧНА и несколько жительниц села. В стороне сидит МАРАТ ГАНИЕВИЧ. Стучит метроном, отсчитывая минуты. Ощущение нарастающей тревоги. За столиком сбоку — дежурная сестра. По комнате из угла в угол ходит ИВАН. Он то садится, то снова вскакивает и ходит... Женщины разговаривают шопотом между собой/.

ПРАСКОВЬЯ. Вот уж не ждала, что такое случится. Подумать только — второй день мучается.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да ведь Любка у нас всю жизнь слабая. Единственная у нас, берегли ее...

ПРАСКОВЬЯ. Подумаешь, а другие не берегут, что ли? А рожают — опомниться не успеешь!

/Входит ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ/.

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. /громко/. Ну, как?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Все так же.

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. Неужели до сих пор? Все мучается?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Все мучается, бедная девочка...

ИВАН. ~~СЕВА~~ Иван Севастьянович, я...

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ /отстраняя его/. Раз и навсегда сказал - мне с тобой говорить не о чем... Через тебя мою дочь... /Махнув рукой, тяжело опускается около Марии Васильевны./

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Точно чуяло мое сердце. Не хотела я Любку доверять нашему доктору.

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. Зачем же сюда привезли, а не в районную?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Уперлась Любка, говорит - никуда не поеду. Здесь управлюсь, в деревне. И ни в какую.

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. Да, с нашей Любкой совладать трудно.

/Молчание. Стучит метроном. ИВАН в волнении ходит взад-вперед./

ПРАСКОВЬЯ. А когда за Анненским в район послали?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ночью. Зеленская испугалась, что сама не управится.

ПРАСКОВЬЯ. Правильно сделала. Он, кажется, профессор.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Нет, доцент.

ПРАСКОВЬЯ. Главное - опытный, на него надеяться можно.

/Телефонный звонок, Сестра снимает трубку/.

СЕСТРА. Кислородную подушку?... Сейчас... /Убегает/.

/Все настороженно следят за ней/.

ПРАСКОВЬЯ. Надо было Анненского раньше вызвать.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. А кто мог подумать?

/Пауза. Медленно входит сестра./

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. Ну что?

СЕСТРА. Оба... И Любка, и ребенок... Оба...

/Вскрик Марии Васильевны. Все бросаются к ней. ИВАН остается один в стороне./

ИВАН /яростно/. Вот и все. Все... А как жить? Как жить без моей Любки? Без моей Любки...

Т е м н о т а.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Венков на похоронах было много, очень много. С черными лентами, с золотыми надписями...

ИВАН СЕВАСТЬЯНОВИЧ. Словно живая! Ну словно живая! Других ~~слов не слышала~~ у женщин и даже у мужчин не было, и хорошо, что не было — какие могут быть слова!

ПРАСКОВЬЯ. Уже сильно стемнело за окнами, когда Прасковья вернулась с похорон. Ивана нигде не было. Не было и ружья, одноствольной "тулки" довоенного образца. И... жаканов, литых свинцовых жаканов, которые, убивая, отбрасывают назад медведя!

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Прасковья выбежала из дома, закричала так, что деревня услышала: "Жаканы взял" Ушел! В ночь ушел! Жаканы взял!"

ПРАСКОВЬЯ. Жаканы взял!

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. ~~Лижники~~ Лучшие лижники Старо-Короткино вписывались в лыжню, с первого метра, развивая скорость.

ПРАСКОВЬЯ. Одно плохо: темнело быстро, очень быстро...

/И снова звучит широкая сибирская
песня о верности и любви/.

К о н е ц .